

В январе этого года по приглашению общества «СССР — Япония» нашу страну посетила делегация «Син нихон бунгаку кай» (Ассоциация новой японской литературы) в составе Хирочи Ивата, Хадзимэ Кидзима и Рюсэй Хасэгава. Все трое — поэты, литературная деятельность которых началась сравнительно недавно — в начале 50-х годов. Хирочи Ивата также известен как переводчик произведений Маяковского, Эренбурга и Солженицына. Наш корреспондент попросил японских литераторов поделиться своими взглядами на современную японскую поэзию и место поэта в общественной жизни.

Ивата: Прежде всего хотелось бы сказать несколько слов о том, в каких условиях живут и творят современные японские поэты. Это тем более важно потому, что, как мы убедились, условия жизни поэта в СССР и Японии коренным образом различаются. У вас стихи издаются многотысячными тиражами, многие поэтические сборники раскупаются буквально за несколько часов, а на вечера поэзии невозможно достать билеты. Все это не может не вызывать у нас зависти к нашим советским коллегам, пользующимся такой популярностью среди масс, особенно среди молодежи.

В Японии ни о чем подобном поэту не приходится мечтать. Нужно сказать откровенно, что с нашими произведениями знаком лишь ограниченный круг читателей. Сборники стихов издаются у нас чрезвычайно низкими тиражами. Считается, что две тысячи экземпляров — это очень хорошо. Мой первый сборник вышел тиражом в 300 экземпляров, второй и третий — по 500 экземпляров, а четвертый — 700 экземпляров. Немало поэтов издает свои произведения на собственные средства. Естественно, в подобных условиях не может быть и речи о том, чтобы прожить на гонорар. Лишь для единиц поэзия является главным заработком. Что же касается нас, то, хотя мы пишем стихи уже в течение 8—10 лет, мы не можем назвать себя профессиональными поэтами. Хасэгава работает в одной из рекламных фирм, Кидзима преподает в университете «Хосэй», а я в основном зарабатываю переводами с русского и английского.

Одиннадцатилетняя Каннон — божество милосердия.

Писать по-новому о новых явлениях жизни

В чем же дело? Почему в стране с таким богатым поэтическим наследием, в стране, народ которой издавна известен своей любовью к поэзии, произведения современных поэтов так мало популярны? Мне думается, что все дело в социальных условиях нынешней Японии. Подлинному поэту, поднимающему в своих произведениях острые проблемы, будоражающему своими стихами умы и сердца, практически невозможно проникнуть на страницы популярных коммерческих изданий, на радио, на телевидение, находящиеся в руках крупного бизнеса. Ибо подлинная поэзия несовместима ни с целями, которые преследует пропагандистская машина господствующего класса современной Японии, ни с формой, в которой ведется обработка общественного мнения.

Разве может прогрессивный поэт сотрудничать, например, с программой «создания нового человека», выдвинутой бывшим премьер-министром Икэда? Разумеется, нет, — ведь эта программа на-

целена на то, чтобы воспитать не действительно нового человека, а человека, отвечающего потребностям капиталистической системы. Или возьмите, например, капиталистическую рекламу. Главное ее оружие — штампованные фразы. А ведь поэзия и штампованные фразы — вещи абсолютно несовместимые.

В Японии бытуют термины «чистая литература» и «массовая литература». Первый применяется к подлинно художественным произведениям, второй — ко всему тому, что публикуют крупные коммерческие газеты и журналы. Подобная литература предназначена для удовлетворения самых невзыскательных вкусов. Как правило, это дешевые детективы, эротические романы и повести и прочая низкосортная стряпня. К сожалению, именно такой литературе обеспечен широкий доступ к массовому читателю.

Хасэгава: Для современных японских поэтов характерна организационная разобщенность. Правда, в первые послевоенные годы существовали такие объединения, как «Арэти» («Пустырь») и «Рэтто» («Острова»). Вместе с Кидзима я входил в «Рэтто». Но впоследствии эти группы распались, и в настоящее время каких-либо объединений поэтов практически не существует.

В Ассоциации новой японской литературы писателей объединяет общая ненависть к войне, стремление не допустить возврата трагического прошлого, приверженность принципам мирного сосуществования и самого широкого сотрудничества со всеми странами. Однако было бы ошибочно полагать, что члены Ассоциации стоят на общей эстетической платформе. Все они — очень разные люди, пишущие в разных стилях, разных манерах. Это относится как к прозаикам, так и в еще большей степени к поэтам.

Прогрессивным поэтам современной Японии приходится вести борьбу на два фронта. С одной стороны, это борьба за мир, против всяких попыток возрождения милитаризма, против реваншизма. С другой стороны, это борьба за свободу творчества. В Японии не существует формальной цензуры, нет формального запрета писать то-то и то-то. Однако один тот факт, что поэту в нынешних условиях так трудно найти доступ к массовому читателю, существенно ограничивает его свободу. Борьба, которую мы ведем, — очень трудная борьба, тем более, что каждому поэту приходится бо-

роться в одиночку. Но в этой борьбе мы обретаем счастье.

На мой взгляд, задачу подлинного художника можно охарактеризовать одним словом — открытие. Роль художника заключается в том, чтобы открыть нечто новое и донести до людей. Если не все понимают это новое, то тут уж ничего не поделаешь: я вовсе не собираюсь навязывать свои стихи людям, которым они не нравятся. При этом я никоим образом не считаю, что люди, не понявшие моих стихов, «не доросли до них». Я отнюдь не пишу для избранных, для единиц — это было бы в корне неправильно. Конечно, это большая радость для художника, когда его понимают многие, но, если такого понимания нет, приходится терпеливо ждать, когда оно придет.

Что же касается тематики стихов, то я пишу о том, что больше всего волнует меня и моих современников. Естественно, что протест против войны и, в частности, трагедия Хиросимы является одной из моих тем. Хиросиме я посвятил ряд стихотворений и драму в стихах «Хиросима, год 1958». Следует, однако, сказать, что трагедия Хиросимы — это очень сложная и тяжелая тема и, мне думается, она все еще ждет подлинного художественного воплощения.

Кидзима: Нынешняя историческая эпоха для Японии — это переходная эпоха, характеризующаяся важными изменениями. Я вижу свою задачу в том, чтобы поэтическими средствами отобразить многогранные явления этого переходного периода. Поэт должен выступать как свидетель всего того, что он видел, но вместе с тем должен обогащать это увиденное своим творческим воображением.

Мы действительно живем и работаем в сложных условиях. Однако это не говорит о том, что мы можем делать себе поблажки. Более того, как свидетельствует опыт прошлого, именно тяжелые условия жизни не раз порождали замечательные произведения искусства и литературы.

Одна из отличительных особенностей настоящего поэта, по моему мнению, состоит в том, что он сопротивляется всему, что несовместимо с его взглядами и понятиями. И это должно находить отражение в его творчестве.

Ивата: Говоря о тематике художественных произведений, я не могу не солидаризироваться с белорусским драматургом Андреем Макаёнком, с которым мы

встречались в Минске. Он сказал: «Каждый художник имеет право высказать то, что его больше всего потрясло». Я понимаю это таким образом, что художник не только должен воспевать прекрасное и положительное, но и с одинаковой силой художественного мастерства обязан говорить о том отрицательном, что есть в жизни, обличая и осуждая его.

Я полностью согласен с мнением Хасэгава о том, что долг поэта — открыть нечто новое. Жизнь быстро меняется, и для художественного отображения этих изменений следует искать новые формы и образы. Писать по-новому о новых явлениях жизни — такова, на мой взгляд, одна из наиболее существенных задач художника.

Хасэгава: В этой связи я бы хотел сказать следующее. В последнее время в СССР издано немало произведений японских поэтов. Но в основном переводится классическое наследие. Современным стихам «везет» меньше. Отрадно, что недавно вышли — и большими тиражами — две книги современных поэтов: сборник «Волны Японии» Сигэхару Накано и антология «Песни Хиросимы» — обе в удачном переводе Анатолія Мамонова.

Благодаря прекрасным переводам русских поэтов советские читатели полюбили стихи, написанные в форме танка (пятистишие) и хокку (трехстишие). Это действительно замечательные произведения. Но вместе с тем нужно сказать откровенно, что и танка и хокку — это прошлое японской поэзии. Как поэтические формы они уже умерли, и возврата к ним быть не может.

Ивата: Я не признаю художественную ценность современных поэтических произведений, написанных в форме танка и хокку. В эти формы невозможно втиснуть все многообразие сегодняшней жизни, проблемы, которые волнуют наших современников. Следует учесть, что в Японии поэзию прошлого от поэзии настоящего отделяет глубокая пропасть. Мы должны создать совершенно новую поэзию, отличную по форме от традиционных танка и хокку.

Кидзима: В заключение нашей беседы мне хотелось бы пожелать советским переводчикам, специалистам в области японской литературы, чтобы они побольше переводили современных японских авторов, в частности поэтов. Мне думается, это поможет советским людям лучше понять современную Японию.

Классика и современность

Две хорошие книги японской поэзии получил советский читатель в минувшем году. Издательство «Художественная литература» выпустило в серии «Сокровища лирической поэзии» сборник стихов гениального японского поэта XVII столетия Басё, переведенных Верой Марковой. Книга «Из японской поэзии», включающая произведения 98 современных мастеров стиха в переводах Евгения Винокурова и Вадима Сикорского, вышла в издательстве «Прогресс». Мы публикуем несколько поэтических миниатюр, вошедших в эти книги.

БАСЁ

В тесной хибарке моей
Озарил все четыре угла
Луна, заглянув в окно.

*

Колокол смолк вдалеке,
Но ароматом вечерних цветов
Отзвук его плывет.

*

В старом моем домишке
Москиты почти не кусаются.
Вот все угощение для друга!

Перевела Вера Маркова

ЙОКОТА СЭНЬИТИ

Фонтан как сказка!
Вдруг подошел солдат
Американский,
Он в шлеме набекрень.
Как равнодушен он!

Перевел Вадим Сикорский